This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

М. Б. ПОЛИНОВСКІЙ.

ПИСЬМА ДѢВУШЕКЪ.

Иллюстрированное изданіе.

ОДЕССА.
Типографія и Хромолитографія Е. И. Фесенко.
1897.

M. B. Polinovskii

М. Б. ПОЛИНОВСКІЙ.

Pisma dievushek

ПИСЬМА ДѢВУШЕКЪ.

ОДЕССА.
Типографія и Хромолитографія Е. И. Фесенко.
1897.

PG3470
P5
P5
1897
MAIN

Дозволено цензурою. Одесса, 24-го Апрѣля 1897 г.

836
P768
p/s

НАКАНУНѢ.

Милая моя Любочка!

Ты не видишь, какъ я весела и счастлива? О, я безгранично рада, и съ моею радостью можетъ сравниться развѣ милое солнышко, которое сегодня какъ-то особенно пріятно и которое вотъ сейчасъ ворвалось ко мнѣ черезъ открытое окно, наполнило всю мою комнату жизнерадостной теплотой, смѣется, цѣлуется со мною и шаловливо золотитъ своимъ яркимъ свѣтомъ только-что принесенное мнѣ бѣлое шелковое платье!..

Бѣдная модистка! Она такая худенькая, робкая, молчаливая, — должно быть, прибита горемъ,—а между тѣмъ, такъ чудесно шьетъ!

M679039

Если-бы ты видѣла, какъ на мнѣ сидитъ платье! Восторгъ! Словно оно вылито изъ формы. Такъ шить могутъ только даровитыя модистки. Я ей горячо пожала руку и, когда она собиралась уходить, мама незамѣтно сунула ей въ руку больше, чѣмъ слѣдовало. Она будетъ ужасно довольна, когда вернется домой. Это будетъ для нея сюрпризомъ. Мнѣ ее жаль— она такая славная!

Я заперлась въ моей комнатѣ, никого-никого не велѣла принимать, бросилась на кушетку и глазъ не свожу съ моего платья...

Солнечные лучи ложатся между складками золотистыми линіями и — то ускользаютъ, то принимаютъ новые цвѣта, то вновь трепещутъ золотыми нитями... Въ комнатѣ тихо-тихо, и мнѣ кажется, что я слышу біеніе моего сердца... Я сама говорю себѣ, что не слѣдуетъ волноваться, но, душенька, я никакъ не могу отогнать отъ себя мысли о томъ, что завтра... я оффиціально стану невѣстой гадкаго Сени!

Подумай только: я... невѣста! Ты не смѣешься? Ты не хохочешь? Тебѣ совсѣмъ не хочется смѣяться?

Я, какъ только начинаю много думать объ этомъ, смѣюсь безъ конца. Я чувствую, какъ лицо мое покрывается яркимъ румянцемъ,—и тотчасъ подбѣгаю къ большому зеркалу, выдергиваю всѣ булавки изъ волосъ, встряхиваю ихъ и обвиваю вокругъ шеи... И я вижу въ зеркалѣ шалунью — дѣвочку съ чернымъ капюшономъ, изъ котораго глядитъ на меня веселое розовое личико съ изумрудными глазами...

Потомъ опять встряхиваю волосы, прикалываю ихъ кверху, хватаю пушокъ отъ пудры, охлаждаю пылающія щеки, а сама въ это время заливаюсь смѣхомъ, звенящимъ, какъ серебряный колокольчикъ...

Милая моя Люба, развѣ не счастье быть любимой, да еще кѣмъ? — Сеней, этимъ гордымъ красавцемъ съ умными, темными, какъ ночь, глазами и чудными шелковистыми усами?

Я говорю—гордымъ, хотя, право, не знаю,

почему всѣ вы считаете его гордымъ и неприступнымъ. Наоборотъ, это—олицетвореніе доброты, благородства и великодушія. Вы всѣ заблуждались. Я теперь сама убѣдилась.

Мнѣ такъ странно, что я невѣста, почти невѣста! Мнѣ странно, что это случилось такъ неожиданно...

Я знаю, ты уже горишь нетерпѣніемъ узнать все, какъ было. Ты вѣдь такая любопытная. И правда,—зачѣмъ скрывать, вѣдь я такъ счастлива!

Но я, кажется, опять волнуюсь. Еще можетъ разболѣться голова. Мама замѣтитъ, спроситъ и пошлетъ за нашимъ докторомъ, а онъ начнетъ щупать пульсъ, захочетъ, чтобы я разстегнулась... Цѣлая исторія. Я ужасно ненавижу этихъ врачей. Какъ имъ не стыдно!..

Ну, такъ и быть,—не буду больше волноваться. Я велю себѣ принести лимонаду. Это мой всеисцѣляющій напитокъ.

Слушай со вниманіемъ. Въ прошлое воскресенье у насъ было много гостей. Сеня тоже пришелъ. Кстати, отчего ты отсутствовала? Было очень весело, и я очень сожалѣла, что тебя нѣтъ.

Солидное человѣчество было занято серьезными разговорами въ гостиной, а мы всѣ, сколько насъ было, составивъ маленькую компанію, забрались въ комнату м-lle Софи, гдѣ очень много пѣли, музицировали, шутили, острили и, разумѣется, играли въ фанты.

Сеня, какъ и всегда, держалъ себя съ достоинствомъ, не позволяя себѣ ничего нескромнаго. Говорилъ онъ одно слово черезъ десятое, но увлекательно, умно и мило. Правда, онъ чаще обыкновеннаго взглядывалъ на меня, былъ менѣе сосредоточенъ, болѣе подвиженъ и веселъ.

Это рѣзко бросалось мнѣ въ глаза. Сердце-ли мнѣ что-то предсказывало (ты вѣдь знаешь, мое сердце самое чувствительное существо въ мірѣ), или онъ чѣмъ-нибудь выдалъ себя, я тебѣ достовѣрно не скажу, но я чувствовала, что

Что-то будетъ,
Что-то будетъ...

Подъ конецъ, когда настала пора разыгривать фанты, единогласно была избрана коммиссія изъ... меня и Сени. Такъ, видно, было угодно судьбѣ.

— Ну-те-съ, Александра Сергѣевна, — сказалъ онъ, подавая мнѣ руку, — возьмемъ накопленныя богатства, зайдемъ въ вашу теплицу и будемъ рѣшать судьбы человѣчества!..

Онъ это сказалъ съ счастливой улыбкой человѣка, радость котораго не имѣетъ границъ, и посмотрѣлъ на меня взглядомъ, полнымъ обожанія.

Мы вошли въ мою комнату. Онъ заперъ дверь, взялъ изъ моихъ рукъ фанты и прежде, чѣмъ я успѣла опомниться, сталъ предо мною на колѣни и, цѣлуя мои руки, объяснился мнѣ въ любви...

Онъ былъ такъ милъ, такъ нѣженъ, такъ красивъ!.. Въ его глазахъ, которые меня положительно съ ума сводятъ, — свѣтился рай любви и они глядѣли на меня съ такою мольбою, которой я никогда не забуду... Я хотѣла его расцѣловать, но отвернулась. Не могла, но отвернулась. Мнѣ сильно захотѣлось его немного помучить. Почему, сама не знаю. И я сказала ему, какъ мнѣ казалось, довольно сухо:

— Встаньте, Сергѣй Петровичъ: вы мундиръ запачкаете!..

Тебѣ надо было видѣть, какъ кольнули его эти слова и какъ онъ плакалъ.

— Александра Сергѣевна, не будьте жестокой! Вы—мое солнце, я васъ безумно люблю!..

— Докажите мнѣ.

— Чѣмъ угодно. Я готовъ даже жизнью пожертвовать.

— Жизнью, нѣтъ-нѣтъ, не надо, — говорю я снисходительно, позволяя ему держать мои руки, которыя онъ осыпаетъ жгучими поцѣлуями, а сама тѣмъ временемъ придумываю, чѣмъ онъ можетъ мнѣ доказать свою любовь, какъ будто я когда-либо въ ней сомнѣвалась или сомнѣваюсь.

Наконецъ, я придумала.

— Вотъ, говорю, чѣмъ. Вы должны подарить приданое тремъ бѣднымъ дѣвушкамъ по моему выбору. Слышите?

— Почему тремъ?

— Я такъ желаю!

— Ну, ну, повинуюсь, ангелъ мой. Ваше желаніе для меня законъ.

На другой день Сеня исполнилъ свое обязательство. Тогда я сказала ему:

— Вы благородны и великодушны. Я благодарю васъ и... ну, и люблю васъ!

Онъ былъ наверху блаженства. Потомъ узнали папа и мама, благословили насъ и, по настоянію моего Сени, назначили обрученіе на завтра, въ день моихъ имянинъ, когда мнѣ исполнится ровно восемнадцать лѣтъ...

Non multum sed multa...

Какъ-же не радоваться? Любочка моя милая, ты развѣ не видишь, не чувствуешь, какая я веселая и счастливая?

Жду тебя завтра. Особыхъ приглашеній не будетъ. Придутъ только свои. Приди-же, другъ мой, и я обниму тебя и горячо-горячо расцѣлую.

Твоя Саша.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Дорогая Таня!

Помнишь, ты недавно спорила со мною о платонической любви.

По этому поводу я хочу теперь подѣлиться съ тобою очень интереснымъ разсказомъ, слышаннымъ мною у Анны Алексѣевны.

Разговоръ шелъ о любви — предметѣ всегда неистощимомъ и полномъ захватывающаго интереса.

Когда одинъ изъ гостей только-что окончилъ разсказъ о беззавѣтной любви, напоминавшей поэтическую испанскую легенду объ Аль-Мансурѣ и Зобеидѣ, — другой гость, все время молчавшій, попросивъ предварительно позволенія у милой хозяйки, началъ такъ:

— Я зналъ одного симпатичнаго литературнаго дѣятеля. Это былъ какой-то необыкновенный человѣкъ. Его имени я, конечно, не назову. Я зналъ его очень близко и не могу сказать, чтобы онъ былъ ненормаленъ. Правда, у него были кой-какія странности. Онъ, напримѣръ, считалъ бракъ — «грубой формой порабощенія воли», «низвергнутымъ кумиромъ» и еще Богъ знаетъ чѣмъ.

Тѣмъ не менѣе, это былъ человѣкъ очень милый, встрѣчалъ радушіе въ лучшихъ семейныхъ домахъ и даже считался однимъ изъ наиболѣе религіозныхъ членовъ нашего товарищескаго кружка.

Однажды, когда мы съ нимъ сидѣли на бульварѣ, онъ, подъ наплывомъ охватившихъ его впечатлѣній, обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:

— Вы видите этихъ дамъ и дѣвицъ, что гуляютъ передъ нами?..

Я удивленно отвѣтилъ:

— Ну, такъ что-же, если я вижу?

Тогда онъ, взявъ мою руку и наклонившись ко мнѣ близко-близко, такъ близко, что

я могъ замѣтить возбужденіе его красивыхъ глазъ, продолжалъ:

— Я хотѣлъ спросить: видите-ли вы, какъ онѣ прекрасны? Господь надѣлилъ ихъ какою-то необъяснимою прелестью, великою тайною умѣнія нравиться намъ, мужчинамъ. Я спрашиваю: почему намъ не могутъ нравиться такъ мужчины, будь они даже рѣдкіе красавцы?.. Они не влекутъ насъ къ себѣ такъ, какъ женщины. Мы такъ-же равнодушно проходимъ мимо нихъ, какъ проходимъ ежедневно хорошо знакомой улицей, въ которой все примелькнулось и не на чемъ болѣе остановиться глазу. Вы меня поняли?

Между тѣмъ, женщины... Ахъ, я иначе не могу глядѣть на нихъ, какъ съ молитвой на устахъ! Передъ ними я ощущаю невыразимое блаженство, не сознаю, что со мною творится, словно я теряю разсудокъ...

Да, да, меня очаровываютъ эти милые, изящные и воздушные ангелы. Мнѣ нравятся ихъ улыбки, томные взоры, чудные профили, роскошныя формы, элегантныя платья, тонкія кружева, просвѣчивающая сквозь нихъ бѣлизна

гладкаго нѣжнаго тѣла. Потомъ — ихъ духи, опьяняющіе разсудокъ и наполняющіе окружающій воздухъ чѣмъ-то неуловимо-нѣжнымъ...

Сколько обаянія въ женской красотѣ! Ренанъ, этотъ замѣчательный философъ, преклоняющійся передъ женской красотой, говоритъ, что она выражаетъ одну изъ сторонъ божественной цѣли, одно изъ намѣреній Бога. Женщины знаютъ это и потому гордятся своею красотой. Инстинктивно чувствуя это драгоцѣнное сокровище, которое онѣ несутъ въ своемъ тѣлѣ, онѣ хорошо знаютъ, что и безъ ума, безъ талантовъ, безъ серьезныхъ добродѣтелей, онѣ составляютъ одно изъ лучшихъ проявленій Божества. Какъ-же не выставлять въ лучшемъ свѣтѣ полученнаго отъ Бога дара, не щеголять красотой и нарядами? Женщины, наряжаясь, исполняютъ обязанность; онѣ совершаютъ дѣло искусства, утонченнаго искусства, даже прелестнѣйшаго изъ искусствъ...

Понимаете-ли вы теперь? Понимаете-ли вы, почему я ихъ обожаю, боготворю?..

Стоитъ мнѣ только замѣтить красивую женщину, какъ тотчасъ у меня является же-

ланіе упасть къ ея ногамъ, цѣловать землю, по которой она ходитъ, и съ благоговѣйнымъ

восторгомъ благословить Провидѣніе за то, что оно создало женщину.

Вы скажете, что поклоненіе красотѣ — своего рода язычество, въ родѣ, напримѣръ, огнепоклонничества.

Нѣтъ, въ красотѣ, и въ женской въ особенности—таится частица Божества.

Недаромъ, глядя на красивую женщину, говорятъ:

— Она божественна!

Тѣмъ не менѣе, очень часто люди оскверняютъ эту святыню и слишкомъ скоро перестаютъ видѣть въ ней отраженіе неба.

О, если-бы вы знали, какъ я поклоняюсь женской красотѣ.

Это платоническое созерцаніе ея доставляетъ мнѣ неизмѣримое наслажденіе. Но мнѣ кажется страннымъ лишь одно.

Видя одну, другую, третью, четвертую, пятую и такъ далѣе безъ конца, я... я, понимаете-ли, всѣхъ ихъ одинаково люблю, всѣхъ...

Другой остановился-бы на какой-либо одной и эту-то избранницу сдѣлалъ бы предметомъ своего поклоненія. А я такой странный и удивительный человѣкъ...

Мнѣ всѣ красивыя женщины нравятся, всѣ, всѣ... и я ихъ всѣхъ люблю одинаково.

И если-бы только было въ моей власти, я сдѣлалъ-бы то-же, чего желалъ Байронъ: уста красивыхъ женщинъ всего міра я соединилъ-бы въ одни и, цѣлуя ихъ, я былъ бы въ состояніи перецѣловать сразу всѣхъ женщинъ!..

И потомъ—я хотѣлъ бы... нѣтъ, не умереть, а уснуть среди этихъ ангеловъ, тихо, спокойно, подъ нѣжный, ласкающій шепотъ милыхъ устъ... Господи, какое это недостижимое счастье!..

Гость кончилъ и прибавилъ:

— Таковъ былъ этотъ необыкновенный человѣкъ.

Теперь скажи, много-ли ты встрѣчала такихъ людей?

Василиса.

ЗАГУБЛЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Дорогая Зина!

Чтобы положить конецъ нашимъ спорамъ о счастьи и показать тебѣ будущее, которое ожидаетъ каждую дѣвушку, мечтающую о свободной любви, безпечальномъ существованіи, и ради нихъ готовую ступить на путь порока, — позволь нарисовать тебѣ картинку, навѣянную однимъ случаемъ, потрясшимъ меня до глубины души.

Можетъ быть, изъ моего разсказа ты поймешь, о комъ идетъ рѣчь. Но это, впрочемъ, все равно.

Роскошный дворецъ утопалъ въ зелени. Онъ былъ окруженъ прекраснымъ садомъ, въ которомъ подъ ослѣпительнымъ блескомъ солн-

ца благоухали цвѣты и деревья. Мелодическое журчаніе ручейка сливалось съ звонкими пѣснями птицъ, порхавшихъ здѣсь и тамъ.

Это былъ благодатный уголокъ. Синее небо никогда не скупилось на ласки: оно постоянно лило здѣсь золотые лучи, улыбалось вмѣстѣ съ цвѣтами и любовно смотрѣлось въ зеркальную поверхность ручейка...

Во дворцѣ жила богатая женщина. Она все еще была граціозна, хотя на ея выцвѣтшемъ лицѣ змѣйками извивались черныя морщинки. Но и сквозь нихъ виднѣлась недавняя красота. Не очень молодая, но и не очень старая, она могла бы еще жить и жить, если-бы эти проклятыя морщинки не приводили ее постоянно въ отчаяніе. Въ ея нѣкогда прелестныхъ умныхъ черныхъ глазахъ потухла жизнь, въ волосахъ замелькала просѣдь и все ея существо выражало усталость, апатію, безпредѣльную тоску...

При ней былъ многочисленный штатъ слугъ, но она чувствовала себя одинокой, несчастной, всѣми покинутой...

Ни богатство, ни драгоцѣнные наряды,

ни брилліанты, ни что не удовлетворяло ее больше. Все ей пріѣлось, стало невыносимо скучнымъ и противнымъ. И она съ каждымъ днемъ все сильнѣе томилась, страдала и чахла.

Однажды она сидѣла въ своемъ саду, подъ развѣсистымъ дубомъ, и глядѣла на ворковавшихъ птичекъ. Любо было видѣть, какъ онѣ перепархивали съ вѣтки на вѣтку, лизали другъ дружкѣ перышки, кормили крошечныхъ птенчиковъ Въ каждомъ движеніи ихъ проглядывала привязанность, заботливость, въ каждомъ звукѣ сказывалась нѣжная любовь.

И она задумалась. Какой смыслъ въ ея одинокой жизни? Возлѣ нея нѣтъ ни одного близкаго существа, которое могло-бы утѣшить ее, нѣтъ ни одной родной души, нѣтъ сердца, которое билось-бы въ унисонъ съ ея сердцемъ, она одинока, глубоко несчастна!.. Сердце ея зачерствѣло и высохло... Ея золотая молодость, эта цвѣтущая пора жизни, промелькнула, какъ метеоръ.

И передъ нею прошла вся ея жизнь, такъ безумно растраченная, — вся до мельчайшихъ подробностей.

Кто только не упивался ея любовью! Правда, очень дорогой цѣной покупались ея ласки, зато же она была мила, хороша и весела, и въ ея обществѣ многочисленные поклонники переживали счастливые часы блаженства...

Незамѣтно проходили дни за днями, годы за годами. Для нея не существовало времени. Она жила внѣ времени, не зная ни заботъ, ни волненій, ни горя. Жизнь была для нея волшебной сказкой.

А теперь, когда время успѣло покрыть ея лицо зловѣщими морщинками и слегка посеребрить ея волосы, она, какъ-бы очнувшись, пришла въ сознаніе, раскрыла глаза и... увидѣла себя одинокою, всѣми покинутою и увядшею розой, которую сорвали для того, чтобы насладиться ея ароматомъ, а потомъ, когда она поблекла, выбросили за окно...

Она поникла головой и горько заплакала. Къ чему ей богатство и роскошь, и обезпеченная старость, къ чему ей все это, если оно досталось цѣной прожитой жизни? Къ чему жить, когда ея жизнь никому больше не нужна? О, поздно беречь вино, когда уже видно дно!..

Вдругъ надъ нею раздался жалобный пискъ. Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ. То былъ душу раздирающій вопль самки, нечаянно вытолкнувшей изъ гнѣзда птенца, только что вылупившагося изъ яичка...

Она съ ужасомъ посмотрѣла на неподвижно лежавшее у ея ногъ желтое крошечное созданіе и быстро удалилась, неутѣшно рыдая о загубленной жизни!..

Прости, прости, дорогая, за скорбный сюжетъ. Его создала не я, а сама жизнь.

Любящая тебя Олимпіада.

ДРУГОГО ИСХОДА НѢТЪ.

Милый, славный Александръ Васильевичъ!

Ваше дружеское письмо привело меня на цѣлый день въ хорошее расположеніе духа. Оно проникнуто искренностью и чистой дружбой. Слава Богу, что вы оправились отъ болѣзни и снова можете приняться за работу.

Когда я пріѣхала въ Москву, первымъ моимъ дѣломъ было зайти въ книжный магазинъ и найти ту книжку журнала, гдѣ напечатана ваша поэма. Но, благодаря вашей любезности, книжку неожиданно вручилъ мнѣ почтальонъ. Надо-ли вамъ говорить, съ какою радостью я набросилась на поэму и съ какимъ волненіемъ я ее читала.

Да, я узнаю себя, какъ въ зеркалѣ. Какъ много хорошаго вы пробудили въ моемъ сердцѣ! Вашу поэму читали здѣсь и мои друзья. Догадываются-ли они, о комъ идетъ рѣчь, я не знаю, но они вмѣстѣ со мною признаютъ, что у васъ большой талантъ. Я надѣюсь, что вы пойдете по избранной дорогѣ, не уклоняясь въ сторону. У васъ сильно развито воображеніе, языкъ вашъ образенъ, свѣжъ и гибокъ, наблюдательность поразительная и, по моему, вы достигнете славной будущности, если и впредь будете писать такъ содержательно и художественно.

Отчего вы не черпаете матеріала изъ нашей многострадальной жизни? Развѣ въ ней мало интереснаго и поучительнаго? Попробуйте хоть слегка коснуться нашихъ ранъ. Или вы, можетъ быть, боитесь заразы?.. Тотъ не врачъ, кто у постели больного

думаетъ о своей жизни... За то, какъ благодарны ему, когда его помощь приноситъ облегченіе!..

Напишите-же, мой другъ, что-нибудь на тему объ окружающемъ насъ горѣ и я—первая горячо пожму вашу руку.

Вы спрашиваете, помню-ли я пережитыя впечатлѣнія? Да, я все помню: и наше катанье на лодкѣ чудною лунною лѣтнею ночью, и ваше милое пѣніе, и выразительную декламацію, и сладкую тишину, царившую вокругъ насъ, когда наша лодка медленно и легко качалась на темно-зеленой поверхности моря и потомъ все болѣе и болѣе отдалялась отъ берега... Помню также, какъ широкая полоса луннаго свѣта, прорѣзываемая нашей лодкой, вдругъ освѣтила насъ дивнымъ блескомъ и какъ вы, всей грудью вдыхая свѣжій морской воздухъ, вскрикнули:

— Жизнь, остановись! Какъ ты хороша!..

Я также не могу забыть, когда я, вы, ваша жена, сестра и ея женихъ сидѣли у послѣдняго на дачѣ, на лужайкѣ... Помните, какая тогда была восхитительная ночь, какъ спокойно глядѣла на насъ звѣздное небо и

какъ вообще было тогда хорошо!.. Другъ мой, больше это уже не повторится.

На югъ я уже никогда не поѣду. Меня тянетъ къ себѣ и его теплота, и нѣга, но въ то-же время я страшусь его чаръ... Мнѣ хотѣлось-бы видѣться и съ вашей сестрой, и съ вами, но, простите, должна разстаться съ этой мечтой.

Послушайтесь меня. Вы человѣкъ молодой, увлекающійся, но безусловно искренній и честный. Подумайте хорошенько, что вы дѣлаете?.. Вѣдь вы человѣкъ семейный, у васъ есть милыя дѣтки, довольно симпатичная жена, а между тѣмъ, заинтересовавшись мною, вы готовы забыть о своихъ обязанностяхъ отца и мужа...

Я не думаю васъ строго упрекать за это, хотя ни за что не могу согласиться съ вашей оригинальной теоріей свободы чувства. Вы, напримѣръ, говорите, что голосъ сердца, свободный и независимый, не признаетъ никакихъ писанныхъ уставовъ и не можетъ подчиняться никакой морали. Какое дѣло вамъ,— спраши-

ваете вы,—до какихъ-то обязанностей, когда вы любите?..

Но, мой другъ, чувство справедливости развѣ ничего не подсказываетъ вамъ? Вѣдь по вашей теоріи, цѣликомъ пропитанной эгоизмомъ, жена ваша можетъ поступить такъ-же, какъ и вы... Интересно, что сказали-бы вы о ней, и что сталось бы съ вашими птенцами?... Этого вы не сообразили.

Въ тотъ вечеръ, когда мы вдвоемъ удалились въ сосновую рощу, вы готовы были забыть все, бросить жену и дѣтей и бѣжать со мною хоть на край свѣта...

Я помню, какъ вы тогда страстно мнѣ клялись въ любви и какъ вы меня цѣловали... Но когда я, опомнившись, вырвалась изъ вашихъ объятій и незлобиво, дружески дала вамъ понять, что, можетъ быть, ваша вспышка мимолетная, и что при всемъ уваженіи къ вамъ, я, такъ радушно принятая вашей женой, не смѣю красть ея счастья, — вы помните, — я вернула васъ къ дѣйствительности, вы заплакали и сами признали:

— Да, простите... я не вправѣ!..

Въ этихъ словахъ слышалось отчаяніе приговореннаго къ смерти. Я хорошо понимала это и теперь жестоко себя упрекаю, зачѣмъ я обманывала вашу жену и сестру, притворяясь будто пріѣзжала къ нимъ. Съ моей стороны было безчеловѣчно такъ поступать. Но я достаточно, кажется, перестрадала за это время...

Я теперь залечиваю рану и понемногу стараюсь забыть все, хотя это не легко... Порванной нити не связать безъ узла...

Наша недавняя встрѣча составитъ въ моей жизни самую блестящую страницу, которая никогда не изгладится въ моемъ сердцѣ... Но я умоляю васъ, мой другъ, ради вашего душевнаго спокойствія и благополучія вашей семьи, забудьте меня. Если вамъ тяжело будетъ, пишите, еще больше отдайтесь литературѣ или дѣлайте то-же, что я дѣлаю: читайте, читайте и читайте. Это принесетъ вамъ большое облегченіе.

Карточка моя нарушитъ вашъ покой и обоститъ ваше чувство, а потому лучше будетъ вамъ безъ нея. Затѣмъ должна вамъ

сказать, мой другъ, что я пишу вамъ въ послѣдній разъ, такъ какъ, во-первыхъ, не знаю, что на меня дѣйствуетъ больше всего: предразсудокъ-ли или страхъ, или же просто моя совѣсть не спокойна, но я, ей-Богу, не могу писать вамъ «до востребованія», и, во-вторыхъ, трудно съ вами согласиться, что мои письма поддержатъ въ васъ энергію. Наоборотъ, дальше отъ глазъ—изъ сердца вонъ...

Вы меня простите, это тяжело, а можетъ быть и жестоко, но что-же дѣлать? Не могу. Не хмурьтесь и не сердитесь. Другого исхода нѣтъ...

Да благословитъ васъ Богъ.

Уважающая васъ Софія.

РАЗОЧАРОВАННАЯ.

Дорогая Ниночка!

Спасибо тебѣ за твое письмецо. Спасибо и за духи, которые ты мнѣ прислала. Я вполнѣ съ тобою согласна и также нахожу ихъ очаровательными. Въ нихъ есть неуловимая гамма самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и они такъ-же, какъ любимая мною музыка, даютъ массу ощущеній и открываютъ передъ духовнымъ взоромъ цѣлыя картины.

Ты—единственная моя подруга, которую я сильно люблю и съ которой мнѣ пріятно дѣлиться моими мыслями и чувствами. Аннушка, Люба и Матильда, образовавъ тройственный союзъ, съ головой ушли въ эти толстыя книги, вѣчно бредятъ своимъ знаніемъ,

вѣчно гуторятъ и спорятъ о матеріяхъ важныхъ, и до того, понимаешь-ли ты, погрузились въ науку, что гдѣ-бы ты ни встрѣчалась съ ними — въ театрѣ, у тети Вари, или у Настеньки, — онѣ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ непремѣнно сворачиваютъ на свою ученность и напускаютъ такую скучищу, что «хоть святыхъ вонъ выноси»...

Вотъ, я тебѣ скажу, оригиналки! Я, право, не понимаю, откуда взялось къ нимъ это увлеченіе. Музыка перестала ихъ интересовать. — «Нарядами, говорятъ онѣ, — пускай забавляются тѣ, которыя жаждутъ стать самками». Болтать-же съ ними всякій вздоръ и молчаливо слушать ихъ глупости неинтересно и рѣшительно нѣтъ никакой охоты. А потому, какъ только тетя углубляется съ ними въ дебри философіи и софистики, я раскланиваюсь, беру съ собою Колю и ретируюсь.

Но на прошлой недѣлѣ, въ среду, почти весь день и цѣлый вечеръ я провела у тети одна.

— Какъ, безъ Коли? — спросишь ты.

— Да, милая, да. Я съ нимъ поссорилась серьезно и окончательно.

Не потому, что онъ вздумалъ мнѣ формально объясниться въ любви. И не потому, что онъ второй годъ сидитъ въ седьмомъ классѣ и учится изъ рукъ вонъ плохо. И не потому, что дѣла его родителей, какъ мнѣ говорила мама, въ послѣднее время сильно пошатнулись и его сестра перестала даже брать уроки музыки, а потому... потому... Впрочемъ, я тебѣ разскажу все по порядку.

Какъ я заблуждалась! Гдѣ были мои глаза?.. Коля ужасно глупъ, ограниченъ и невѣжественъ, да! Въ этомъ я убѣдилась на вечерѣ у Настеньки. Въ обществѣ интеллигентныхъ людей онъ совершенно стушевывается. Онъ становится застѣнчивъ, неуклюжъ, неповоротливъ и молчаливъ, какъ рыба. А если и приметъ участіе въ общей бесѣдѣ, то говоритъ ужасно нескладно, съ трудомъ подыскиваетъ слова, краснѣетъ и нѣтъ-нѣтъ, да буркнетъ какую-нибудь нелѣпость.

Тройственный союзъ, вѣроятно, подмѣтилъ это и, вотъ, какъ-то неожиданно поймавъ Колю, задалъ ему публично вопросъ: «Отчего горитъ свѣча?» Коля растерялся и не зналъ,

что отвѣтить. Лицо его налилось кровью и онъ, кусая губы, подергивавшіяся отъ волненія, обвелъ всѣхъ идіотскимъ взглядомъ.

Конечно, тріумвиратъ, подозрѣвая о моихъ симпатіяхъ къ Колѣ и желая сдѣлать мнѣ непріятность, хотѣлъ во что-бы то ни стало унизить его въ моихъ глазахъ. И дѣйствительно, цѣлясь въ Колю, тріумвиратъ попалъ въ меня. Мнѣ стало стыдно. Не знаю, смутилась-ли я сильно, но, судя по тому, что всѣ вдругъ обратили на меня свои взоры, я думаю, что мое лицо, вѣроятно, покрылось пунцовой краской...

Я до тѣхъ поръ совершенно заблуждалась. Я считала Колю не такимъ. Онъ мнѣ казался умницей. Какъ это мнѣ было непріятно, если бы ты знала! Я готова была расплакаться отъ досады, что я могла такъ ошибаться...

Но я тотчасъ сообразила, что, въ сущности, не изъ-за чего убиваться, успокоилась и сразуже его разлюбила.

То есть, виновата. Я не такъ выразилась.

Я его и не думала любить, а такъ, сама не знаю, почему благоволила къ нему и няньчилась съ нимъ. Всѣ ошибаются, считая, что я была влюблена въ него. Я ему просто симпатизировала; если хочешь, изъ состраданія, да... Я думала... онъ мнѣ говорилъ, что его родители богаты и прочее.

Теперь-же я его окончательно возненавидѣла. И онъ-же еще самъ переполнилъ чашу ненависти...

Ему надо было долгое время не показываться, чтобы забыли объ инцидентѣ, а потомъ, въ одинъ прекрасный день, чѣмъ-нибудь поправить свой промахъ, отличиться и показать себя съ лучшей стороны... Не правда-ли?

Что-же онъ дѣлаетъ? На другой-же день является ко мнѣ подъ предлогомъ возврата нотъ, одолженныхъ его сестрою, обхватываетъ меня и... объясняется мнѣ въ любви. И знаешь—какъ? Самымъ вульгарнымъ образомъ, какъ какой-нибудь подмастерье при встрѣчѣ со своей Дульцинеей!.. Фи!

Тогда-то я впервые замѣтила, что его глаза и усы совсѣмъ неинтересные, и обра-

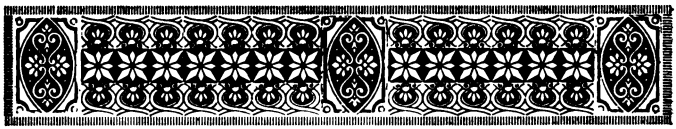
тила вниманіе на то, что его шея полна угрей, а отъ его волосъ несло противнымъ, отталкивающимъ запахомъ головного пота.

Этого было достаточно, чтобы я пришла въ ярость и выгнала его. Да, да, я ему крикнула: «вонъ!» Потомъ я много плакала и грызлась.

Почему я раньше не замѣчала этихъ недостатковъ? Милая Ниночка, не правда-ли, досадно?..

Всего хорошаго желаемъ тебѣ

Твоя Юлія.



МОДИСТКА.

Мой милый, дорогой другъ, вы сердитесь. Я это знаю и чувствую, но могу васъ увѣрить, что не заслуживаю вашего гнѣва.

Хотя ваше письмо, по прежнему милое и ласковое, написано сдержанно, все же я чутьемъ угадываю, что вы на меня сердиты. Не правда-ли, вы сердиты, да?..

Вы сердитесь на меня, почему я не сдержала слова и не пришла. Вы пишете, между прочимъ, что я уже второй разъ заставляю васъ напрасно томиться въ «Читальнѣ», цѣлыми часами, длящимися, какъ вѣчность, и потомъ возвращаться домой съ развинченными нервами, разбитымъ сердцемъ и головною болью.

Милый мой, увѣряю васъ, что я не виновата. Видитъ Богъ. Въ первый разъ я пришла, но, къ сожалѣнію, васъ уже не застала. Вчераже я не могла придти не по моей винѣ.

По случаю предстоящихъ праздниковъ, нашъ магазинъ теперь заваленъ заказами. Наша мадамъ, чтобы удовлетворить всѣхъ заказчицъ, заставляетъ дѣвушекъ сидѣть за работой до поздней ночи, а нерѣдко даже цѣлыя ночи на пролетъ. И едва мы засыпаемъ, какъ у дверей нашихъ комнатъ слышимъ уже притворно-нѣжный голосъ нашей мадамъ:

— Встаньте, дѣти, васъ ждетъ работа!..

И еще какая адская работа! Вѣрите-ли, другъ мой, даже отдохнуть мы не имѣемъ возможности. Какъ-же, подумайте, могла я бросить работу, одѣться и, никѣмъ не замѣченная, пойти къ вамъ въ «Читальню»?

Вы меня не вините. Человѣкъ полагаетъ, а Богъ располагаетъ. Назначивъ вамъ свиданіе на вчера, я разсчитывала, что съумѣю вырваться къ вамъ на нѣсколько минутъ, чтобы доставить вамъ удовольствіе поговорить со мною по душѣ. Но, какъ на зло, весь вче-

рашній день нашъ магазинъ (вы знаете, онъ самый лучшій въ городѣ) осаждался публикой. Къ тому-же мнѣ пришлось замѣнить нашу мадамъ. Ея мужъ внезапно заболѣлъ. Она все бросила и ушла на верхъ въ свою квартиру, поручивъ мнѣ стать у кассы.

Клянусь вамъ, мой другъ, что я не забыла васъ. Все время я не переставала думать о томъ, какъ вы будете тяготиться ожиданіемъ (вѣдь ожиданіе—самая ужасная пытка) и въ то время, когда я суетилась въ магазинѣ,—молилась за васъ Богу...

Я хотѣла тогда-же написать вамъ записочку, чтобы вы меня не ожидали напрасно, но, къ несчастью, всѣ дѣвочки разбрелись къ заказчицамъ и я не имѣла съ кѣмъ послать. Это меня такъ волновало, что я нервничала, злилась и впопыхахъ кому-то просчитала много лишнихъ денегъ...

Сегодня я встала рано утречкомъ, чуть солнце прокралось черезъ ставни въ мою комнатку, и первымъ дѣломъ вспомнила о васъ. Я заперла дверь на ключъ, чтобы наша мадамъ какъ-нибудь случайно не забрела ко мнѣ,

взялась за перо и написала вамъ это письмо. Мнѣ хочется васъ успокоить, утѣшить и вознаградить за вчерашнее ваше огорченіе.

Мой милый, если вы дадите мнѣ слово, что вы простили, я васъ буду любить вдвое больше. Мой ангелъ, развѣ вы не сознаете, какъ я васъ люблю безумно! Я вижу васъ во снѣ и на яву, ваши черные глаза жгутъ мнѣ сердце, вашъ голосъ заставляетъ меня забывать весь міръ и я готова для васъ на все, рѣшительно на все!..

До праздниковъ осталось уже не много. Терпите. Впрочемъ, нѣтъ. Я должна васъ видѣть.

Пройдите сегодня вечеромъ, между семью и восьмью часами, мимо магазина. Я буду сидѣть около праваго окна и постараюсь васъ замѣтить.

Или еще лучше: зайдите въ магазинъ будто для того, чтобы купить какую-нибудь ленту. Если я буду въ то время за перегород-

кой, въ мастерской, я тотчасъ узнаю вашъ голосъ и подъ какимъ-либо предлогомъ забѣгу, чтобы хоть мелькомъ взглянуть на васъ...

Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, а потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь, до новой встрѣчи...

Мой дорогой другъ, цѣлую ваши жгучіе глаза безчисленное множество разъ.

Ваша навѣки Ксенія.

РЕКОГНОСЦИРОВКА.

Спѣшу тебѣ, дорогая, наскоро сообщить результатъ моей рекогносцировки. Не утаиваю ни одного слова. Выслушай только внимательно.

Вчера я была у Пьера. Его домашніе собирались уже въ столовую къ чаю, когда мы вышли съ нимъ погулять. Ночь была морозная, лунная. Снѣгъ пріятно хрустѣлъ подъ ногами. Пьеръ велъ меня подъ руку, и мы, какъ влюбленная парочка, шли медленно, не спѣша, и бесѣдовали очень много. Конечно, рѣчь все время шла о тебѣ. По всему видно, что онъ тебя горячо любитъ. Впрочемъ, выводъ можешь сдѣлать сама.

Прежде всего я поинтересовалась узнать, какая причина была его истерическаго припадка на пикникѣ у насъ.

— Вѣдь вы,— замѣтила я, — были тогда такъ веселы, такъ радостно настроены и вдругъ...

— Вы удивляетесь? Я вотъ уже цѣлыхъ двѣ недѣли страдаю невыносимо... Я ношу въ своемъ сердцѣ горе, никому его не открывая. Веселюсь, шучу, играю, и всѣ думаютъ, что я счастливъ?

— Откуда-же эти страданія? Въ домѣ у васъ, кажется, все благополучно, спокойно... Можетъ быть, по службѣ у васъ вышли непріятности?

— Ахъ, — отрѣзалъ онъ нетерпѣливо, — нѣтъ, вовсе нѣтъ! Ни родные, благополучіе которыхъ держится исключительно на мнѣ, ни служба, — ни что меня такъ не убиваетъ, какъ отношеніе ко мнѣ Антонины Павловны...

Я притворилась ничего не понимающею и спросила его:

— А что она вамъ сдѣлала?..

— Развѣ вы ничего не знаете? Неужели?.. Уже три письма я послалъ ей, три письма, написанныя кровью, и она мнѣ еще не отвѣтила... Мнѣ не хочется вѣрить, чтобы наше недавнее свиданіе было послѣднимъ и послужило разрывомъ навсегда.

Я ничего не отвѣтила. Потомъ нечаянно проронила:

— Можетъ статься, что она на досугѣ размыслила, что ваша любовь не дастъ ей счастья. Вѣдь вы знаете—женщина! Будучи съ глазу на глазъ съ вами, она въ порывѣ радости готова была на всякія жертвы, а наединѣ съ собою обдумала это дѣло иначе... Вы ее знаете, Петръ Аркадьевичъ, она дѣвушка искренняя, честная...

— Какъ?—вскипѣлъ онъ: — это говорите вы? Вы, которая славится вездѣ своею добротою?.. Вы? и т. д. и т. д.

Тогда я поспѣшила его успокоить.

— Впрочемъ, нельзя допустить, чтобы не было основательной причины...

— Какой?

— Вы лучше знаете...

— Такъ я еще разъ ей напишу и еще, и еще, пока она не объяснится, или не удостовѣрюсь, что она для меня потеряна окончательно...

— Ну, а потомъ?—полюбопытствовала я, смѣясь. — Застрѣлитесь?..

— Потомъ... потомъ?—медлилъ онъ отвѣтомъ, очевидно соображая то, что готово было слетѣть съ моего языка.—Потомъ вновь сойдусь съ Вильгельминой... О, я на все способенъ.

— Сумасшествіе! Вы не можете ее любить... Она—вакханка...

— Зато она меня любитъ!

Онъ сказалъ это съ ироніей. Тѣмъ не менѣе, его слова меня сильно покоробили.

— Можетъ быть, — сказала я, — здѣсь и похоронена собака... Можетъ быть, это обстоятельство и внушаетъ ей опасенія...

— Другъ мой, — подхватилъ онъ. — Вы ближе меня къ Антонинѣ Павловнѣ, вы знаете всѣ ея тайны... Умоляю васъ всѣмъ святымъ,

увѣрьте ее въ моей искренней и неизмѣнной любви! Вы ничего не говорите ей о Вильгельминѣ. Клянусь вамъ, что ея давно уже нѣтъ въ живыхъ. Да наконецъ, мнѣ противна любовь куртизанки. Антонина Павловна можетъ быть спокойна и вѣрить мнѣ, а не тѣмъ гадкимъ сплетнямъ, которыя распускаютъ обо мнѣ мои друзья. Я буду любить ее до послѣдняго вздоха и никогда не измѣню ей. Клянусь вамъ, что только одна Антонина Павловна— мой Богъ, которому я молюсь. Съ тѣхъ поръ, какъ я съ нею знакомъ, я совершенно переродился и сталъ иначе смотрѣть на міръ. Она будетъ и должна быть моей. Я буду трудиться, работать, я все перенесу, чтобы только сдѣлать ея жизнь счастливою. Напрасно она отравляетъ себѣ жизнь сомнѣніями. Скажите ей, что я не могу жить безъ нея!..

Онъ еще долго говорилъ о твоей напрасной тревогѣ, пока мы не очутились возлѣ дверей его квартиры.

— Ну, передайте-же ей, — сказалъ онъ на прощаніе,—какъ я страдаю, и упросите ее мнѣ отвѣтить.

Въ это время на порогѣ появилась его сестра, полуоткрыла дверь и, протянувъ мнѣ руку, спросила:

— Отчего не заходите?..

Пьеръ отвернулся въ сторону. Полоса свѣта на минуту освѣтила его красивое лицо, и я замѣтила на его глазахъ слезы...

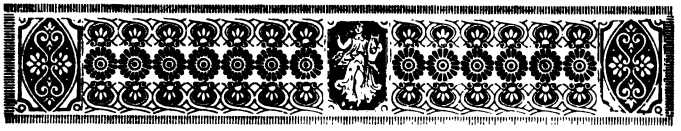
— Ну, помогите мнѣ, помогите! — шепотомъ проговорилъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку, и мы разстались.

Вотъ все. Взвѣсь все разсказанное и въ самомъ дѣлѣ не мучь бѣднаго Пьера. Онъ тебя такъ любитъ, а ты... Богъ тебя знаетъ, кому вѣришь! На дняхъ зайду къ тебѣ и мы поговоримъ болѣе подробно.

Съ подателемъ сего присылаю тебѣ только-что оконченную мною книжку Виктора Гюго: «Послѣдній день осужденнаго». Читай и изумляйся этому необыкновенному таланту. Плюшъ твой мнѣ не нравится. Совѣтую тебѣ его перемѣнить, если можешь.

Будь здорова. Мнѣ все еще нездоровится.

Преданная тебѣ Вѣра.



РАЗРЫВЪ.

Пишу вамъ, милостивый государь, въ послѣдній разъ. Я оставила-бы совсѣмъ безъ отвѣта ваши послѣднія четыре письма, какъ вы и заслуживаете, но желаю навсегда прервать съ вами знакомство и объяснить вамъ— почему, иначе вы продолжали-бы безъ конца забрасывать меня письмами.

Я до сихъ поръ не знала васъ, а узнала только теперь. Правда, немного поздно, но тѣмъ лучше для меня.

Совершенно неожиданно мнѣ стало извѣстно ваше недавнее прошлое. Вы поражены, да? Я была поражена не меньше васъ.

На прошлой недѣлѣ я случайно наткнулась въ одной газетѣ на сообщеніе, что какая-то особа предъявила къ вамъ требованіе о выдачѣ ей средствъ на содержаніе... Это какъ громомъ поразило меня. Я пролежала два дня, въ теченіе которыхъ не переставала думать объ этомъ. — «Неужели вы?.. Нѣтъ, не можетъ быть, я ошибаюсь, или случилось какое-нибудь недоразумѣніе». Такъ думала я сначала. Потомъ, однако, мнѣ не пришлось уже болѣе колебаться.

Мое любопытство возрасло настолько, что я взяла на себя, быть можетъ, не симпатичную роль сыщика и разыскала *ее*.

Я познакомилась съ нею. Она произвела на меня самое лучшее впечатлѣніе. Это очень молодая дѣвушка. Она служитъ на телеграфной станціи. Высокая, красивая блондинка,— ну, словомъ, вы ее отлично знаете. Еще-бы вамъ не знать ее! Вамъ, который поступилъ съ нею такъ безчестно...

Она, плача предо мною, разсказала мнѣ

всю исторію отъ начала до конца. Чтобы не вдаваться въ многословіе, которое теперь совершенно неумѣстно, я вамъ напомню ее вкратцѣ.

Два года тому назадъ вы познакомились съ нею на каткѣ. У васъ оказались общіе знакомые, вы стали встрѣчаться все чаще и чаще и, наконецъ, объяснились ей въ любви. Затѣмъ, спустя короткое время, благодаря вашей хитрости, вы сблизились съ нею такъ тѣсно, что явилась уже необходимость нанять общую квартиру и жить другъ возлѣ друга...

Я не знаю, сколько длилась ваша дружба, но не задолго до наступленія извѣстнаго вамъ момента, вы безчеловѣчно бросили свою жертву на произволъ судьбы! Какъ теперь оказывается, наше знакомство относится какъ разъ

къ тому времени. Тѣмъ ужаснѣе сознаніе, что вы, какъ истый Донъ-Жуанъ, башмаковъ еще не износивъ, уже воспылали любовью ко мнѣ!..

Какой позоръ! Вы безсовѣстно лгали, увѣряя меня въ вашей честности. И я была такъ близорука, что, увлеченная вашимъ краснорѣчіемъ, повѣрила вамъ. И я жала вашу руку!

Какъ я могла вести переписку съ такимъ человѣкомъ, какъ вы? Все, что вы говорили и писали мнѣ, одна сплошная ложь, потому что то-же самое вы писали и говорили *ей*.

Вы лицемѣрили предо мною, и я, не подозрѣвая своей слѣпоты, дѣлилась съ вами лучшими моими чувствами.

Мнѣ теперь стыдно, гадко, больно, что я такъ ошибалась. Я наивно вѣрила вамъ. Но какъ я ни потрясена всѣмъ этимъ, я отъ души благодарна Господу, что Онъ открылъ мнѣ теперь глаза и показалъ васъ во всей вашей наготѣ.

Лучше поздно, чѣмъ никогда. Отчаянію моему нѣтъ границъ. Всѣ ваши письма я вамъ

возвращаю и прошу васъ прислать мнѣ и мои. Если же вы не желаете, то сожгите ихъ, чтобы отъ прошлаго не осталось и слѣда.

Отнынѣ я для васъ умерла.

N. N.

ЛЮБЯЩАЯ ДУША.

Поздравляю васъ, милый Евгеній Петровичъ, съ наступающими праздниками и мысленно христосуюсь съ вами. Вѣдь вы не обидѣтесь на меня за это?

Вамъ навѣрно интересно знать, какъ я добралась до моего родного уголка. По желѣзной дорогѣ до границы мнѣ было очень удобно ѣхать. Чудныя двѣ ночи, проведенныя въ вагонѣ, никогда не изгладятся изъ моей памяти.

На протяженіи многихъ десятковъ верстъ поѣздъ мчится мимо сосноваго лѣса, не такого, какъ у насъ, а настоящаго густого дикаго лѣса. Темно-синее звѣздное небо, словно чер-

ная мантія, усѣянная брилліантами, очаровываетъ васъ своею величественною красотою... Столѣтнія деревья, на которыхъ легкій пріятный вѣтерокъ шелеститъ листья, распространяютъ опьяняющій ароматъ. Кое-гдѣ вдругъ пролетитъ птица, чиркнетъ у самыхъ окошекъ вагона и скроется, перегоняемая мчащимся на всѣхъ парахъ поѣздомъ...

Когда утомитъ однообразіе ночного пейзажа, поворачиваю голову къ пассажирамъ, сидящимъ кучками, тѣсно прижавшись другъ къ другу и невозмутимо бесѣдуя о разныхъ разностяхъ.

Въ одномъ углу говорятъ о цѣнахъ на хлѣбъ, объ урожаѣ, въ другомъ—о политикѣ, въ третьемъ—влюбленная парочка воркуетъ, какъ пара голубокъ... Она, красивая брюнетка съ горящими глазами, говоритъ съ жаромъ, что-то доказывая своему другу, а онъ отвѣчаетъ ей рѣдко, зато часто цѣлуетъ ея руки...

Вдругъ, словно по уговору, всѣ разомъ смолкаютъ. Сидятъ, молчатъ и волей-неволей

подремываютъ. На скамейкѣ, около двери, растянулся старичекъ съ кокардой. Онъ еще недавно смѣшилъ сосѣдей сатирой и моралью, а теперь уже храпитъ во всѣ носовыя завертки. Спитъ онъ, повидимому, очень сладко, не смотря на то, что подушку подъ головой замѣняетъ ему кожаный, довольно твердый, чемоданчикъ. Постепенно засыпаютъ и другіе пассажиры. Однако, ихъ сонъ длится не долго. Войдетъ-ли старшій кондукторъ или сильнѣе застучатъ колеса, всѣ спохватываются, испуганные, заспанные, лѣнивые... Немного пободрствуютъ, покалякаютъ другъ съ другомъ, а затѣмъ опять засыпаютъ...

Одна только я, мой дорогой, не сплю. Не могу спать. Мнѣ хорошо стоять у окошка, любоваться ночью и думать о васъ.

Я не переставала думать о васъ и на па-

роходѣ и совсѣмъ не замѣтила, какъ очутилась дома, въ нашемъ живописномъ фольваркѣ.

Пишу вамъ теперь въ бесѣдкѣ, со всѣхъ сторонъ повитой зеленью. Родные меня встрѣтили съ неописуемою радостью. Я пріѣхала какъ-разъ въ такое время, когда въ нашемъ домѣ царитъ великая радость.

Моя сестра благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Отецъ мой, отецъ первенца-красавца и вообще всѣ наши прямо безумствуютъ отъ радости. Я совершенно забыла объ урокахъ, наслаждаюсь домашней жизнью, дивной природой, отдыхаю и ничего не дѣлаю.

Жаль только, что не достаетъ одного. Мнѣ не надо вамъ говорить, чего. Воздухъ прелестный, люди здѣсь прекрасные и я со-

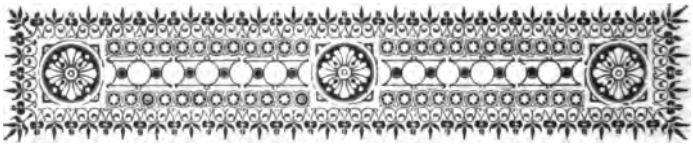
вершенно ожила. Съ неудовольствіемъ думаю о томъ времени, когда мнѣ опять придется вернуться въ Одессу, хотя тамъ меня ожидаютъ пріятныя вещи. Напримѣръ, то, что я буду опять возлѣ васъ, дорогой Женя! (Какъ пріятно звучитъ это слово).

Заглядывайте почаще къ бабушкѣ. Она славная женщина и (открыть вамъ?) любитъ васъ. Только, чуръ! обо мнѣ ни слова. Слышите? Это очень важно. Она считаетъ васъ двоюроднымъ братомъ мужа моей сестры. Но если бы узнала другое, было-бы плохо. Она, видите-ли, намѣтила мнѣ въ женихи какого-то офицерика, сына ея подруги дѣтства. Поэтому, не надо ее огорчать.

Ради Бога, не хандрите, гуляйте, веселитесь. Простите, что я говорю вамъ „вы". Въ награду за то, что вы не будете скучать до моего пріѣзда, я съ сегодняшняго дня буду говорить вамъ—„ты".

И вотъ я дѣлаю починъ. Мой милый Женя! пиши почаще и не забывай меня. Жму твою руку и цѣлую крѣпко, крѣпко...

Любящая тебя Викторія.



ИСПОВѢДЬ.

На моей душѣ лежитъ тяжкій грѣхъ. То, что случилось, могло-бы и не случиться, если бы я захотѣла. Но я не хотѣла, я не хотѣла осчастливить человѣка, отвернулась отъ него, погубивъ такую-же молодую жизнь, какъ моя...

Изъ-за меня человѣкъ наложилъ на себя руки...

Угрызенія совѣсти не даютъ мнѣ покоя, преслѣдуя меня на каждомъ шагу.

— Отчего ты была такъ безсердечна?— безпрестанно сверлитъ мнѣ умъ мучительный вопросъ.—Отчего?.. Отчего?..

Я испытываю невыразимыя мученія. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, я была такъ жестока къ нему, когда онъ, блѣдный, грустный, сидѣлъ возлѣ меня на садовой скамьѣ и умолялъ меня сжалиться надъ нимъ и, вмѣсто любви, платить ему за любовь хоть простою дружбой?..

Отчего я была такъ холодна и безжалостна, что меня не трогали ни его слезы, ни мольба?..

Господи, что было тогда со мною? Гдѣ было мое сердце? Окаменѣло-ли оно или его вовсе не было въ моей груди?..

Бѣдный!

Его образъ постоянно носится предо мною. Вотъ онъ и теперь глядитъ на меня... Вотъ онъ, вотъ... я его хорошо вижу... Сердце мое рвется на части. Сколько затаенной грусти въ его задумчивомъ взорѣ, сколько муки!..

Вотъ и садъ, гдѣ мы видѣлись въ послѣдній разъ, въ роковой день его смерти... Вотъ и сѣрая скамья около черемухи...

— Пощадите меня!—явственно припоминается мнѣ его голосъ.—Пощадите... я такъ хочу жить! А безъ васъ я не могу жить, не могу...

Я сидѣла съ закрытыми глазами и со сдерживаемымъ дыханіемъ, и внутренно выжидала—не явятся-ли признаки любви. Но эти ожиданія ни къ чему не повели. Я ничего не чувствовала.

Я пробовала проникнуться жалостью, но я безучастно смотрѣла на слезы, катившіяся изъ его глазъ, и никакъ не могла сосредоточиться. Тогда я хотѣла сдѣлать послѣднее усиліе—сказать ему какое-нибудь доброе слово, чтобы успокоить его, утѣшить, обласкать, но изъ моего сердца я не могла извлечь ничего, кромѣ смертоносной фразы:

— Мы чужды другъ другу, мы должны...

И едва я успѣла опомниться, какъ въ его рукахъ что-то сверкнуло и раздался оглушительный выстрѣлъ...

Ужасъ! Мнѣ показалось, что я умерла. Но

нѣтъ, это былъ только глубокій обморокъ, повлекшій за собою долгую болѣзнь...

Лишь черезъ нѣсколько недѣль, когда я вполнѣ оправилась и ко мнѣ вернулось сознаніе, я поняла, что произошло...

Раскаяніе явилось слишкомъ поздно.

Господи, какъ странно Ты создалъ человѣка! Я теперь сожалѣю о прошломъ, когда его ужъ нѣтъ и прахъ его покоится въ сырой могилѣ!... Отчего мнѣ была чужда жалость, когда онъ такъ умолялъ?..

Какою ироніей должны звучать мои искреннія рыданія надъ его ранней могилой! И какъ должны жечь его мои цвѣты, облитые слезами!..

Развѣ я когда-нибудь искуплю свою вину передъ нимъ?

Нѣтъ, никогда, никогда... Совѣсть моя никогда не будетъ спокойна...

Жизнь моя отравлена. Я ношу въ сердцѣ ядъ, который медленно сжигаетъ все тѣло...

— Ты убійца!—упрекаетъ меня внутренній голосъ.

— Ты убійца!—вѣчно раздается въ моихъ ушахъ этотъ страшный голосъ...

Я ни на минуту не могу освободиться отъ него. Онъ всюду меня стережетъ, какъ тѣнь...

Нѣтъ, лучше умереть, уснуть...

ТАЙНА МАРІИ.

(Изъ ея дневника).

Еслибъ онъ зналъ, что я его люблю! Но какая я безумная, питая такое чувство къ человѣку, который любитъ мою подругу и ею любимъ. Отчего я давала этому чувству разростись въ моемъ сердцѣ и не подавила, не уничтожила его въ самомъ зародышѣ? Въ началѣ вѣдь очень легко было сдѣлать это. А теперь уже нѣтъ возврата. Любовь пустила столь глубокіе корни, что они охватили всю мою душу... И чѣмъ больше я анализирую себя, тѣмъ сильнѣе я чувствую, какъ велика моя любовь къ нему.

О, я его безгранично люблю!

Мнѣ даже часто приходитъ на умъ мысль: можно-ли любить такъ сильно, какъ я, и не преступница-ли я, любя жениха моей подруги?

Что сказали-бы они оба, заглянувъ въ мое сердце? Что подумали-бы они обо мнѣ, постоянной свидѣтельницѣ ихъ интимныхъ встрѣчъ, нѣжныхъ ласкъ и жаркихъ лобзаній?..

Вѣдь они отъ меня ничего не скрываютъ, повѣряютъ мнѣ, какъ вѣрному другу, всѣ свои думы, треволненія, радости и печали.

Вѣдь они—и оба вмѣстѣ, и каждый порознь, — дѣлясь со мною всѣмъ, что ихъ радуетъ и тревожитъ, считаютъ меня своимъ другомъ-утѣшителемъ, но и только.

Какъ-же смѣю я питать къ одному изъ нихъ чувства, разнящіяся отъ обыкновенной дружбы? И можно-ли, въ такомъ случаѣ, считать меня другомъ? Боже мой, что было-бы, если-бы они узнали объ этомъ?..

Положимъ, онъ, какъ человѣкъ, испытавшій въ жизни много невзгодъ и лишеній и

поэтому дорожащій ниспосланнымъ ему счастьемъ, въ лицѣ Аннеты, навѣрное никогда не отречется отъ него ради меня, хотя-бы я была самою очаровательною красавицей.

Онъ, пожалуй, еще обидѣлся-бы на меня за это, или, въ лучшемъ случаѣ, цѣня мою безграничную преданность и заботливость объ ихъ счастьи, поступилъ-бы, можетъ быть, иначе. Не знаю. Вѣроятнѣе всего, что онъ озабоченно отозвалъ-бы меня въ сторону и тихо-тихо, съ присущей ему мягкостью, сказалъ-бы мнѣ:

— Марія Борисовна! Мнѣ васъ жаль, до слезъ жаль. Мы вамъ многимъ обязаны, въ особенности—я. Другъ мой, я вамъ искренно сочувствую, но... подумайте, чѣмъ я могу вамъ помочь?.. Могу-ли я любить кого-нибудь, кромѣ Аннеты?..

Я даже готова допустить, что онъ при этихъ словахъ прослезился-бы. Развѣ мнѣ стало-бы легче? И развѣ я могла-бы перестать его любить?

Она-же... Мнѣ и подумать страшно, какъ она отнеслась-бы къ этому.

Въ любви я не знаю большей эгоистки, чѣмъ она. Нервная, порывистая, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся ради удовлетворенія своихъ желаній, она по временамъ становится положительно неузнаваемою. Все хорошее, что есть въ ней, тогда безслѣдно исчезаетъ, уступая мѣсто необузданному себялюбію.

Въ такой моментъ я боюсь даже представить себѣ ее знающею о моей любви къ ея Борису. Изъ друга она превратилась-бы въ моего яраго врага. Ослѣпленная злобой, она способна забыть все, что я для нея сдѣлала хорошаго, и мстить безпощадно, безсердечно...

Счастье, что она ничего не знаетъ. Судя по ея неизмѣнному расположенію ко мнѣ, трудно заподозрить ее въ лукавствѣ.

Но онъ... добрый, умный, милый Борисъ, котораго я такъ обожаю, безъ котораго я жить не могу и котораго не видѣть хоть разъ въ день—самое мучительное для меня лишеніе,—онъ, кажется, смутно догадывается о причинѣ моей частой грусти.

Видя, какъ я ежедневно бѣгу къ его сестрѣ, чтобы видѣться съ нимъ, пожать его руку, услышать его голосъ, полюбоваться его красотой, какъ я радуюсь, когда ему весело и онъ заливается счастливымъ смѣхомъ, какъ искренно я дѣлю съ нимъ его горести и, наконецъ, съ какою грустью я каждый разъ разстаюсь съ его сестрою и съ нимъ, — онъ не можетъ не чувствовать, что я люблю его больше, чѣмъ друга.

Онъ не можетъ не чувствовать, потому что и безмолвная любовь имѣетъ свой языкъ...

Иногда, впрочемъ, я замѣчаю, что онъ пристально глядитъ на меня, точно желалъ-бы взоромъ проникнуть въ мою душу, чтобы узнать мою тайну.

Напримѣръ, недавно, среди оживленной бесѣды, онъ вдругъ умолкъ, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и, задумавшись на минуту, опять продолжалъ бесѣду, но уже не въ преж-

немъ тонѣ. Было похоже на то, какъ будто онъ говорилъ одно, а думалъ другое...

И мнѣ показалось, что я неосторожно выдала себя, и онъ узналъ мою тайну...

А если и узналъ? Странное дѣло, мнѣ хотѣлось-бы, чтобъ онъ и зналъ, и не зналъ. Меня пугаетъ что-то неизвѣстное, таинственное и въ то-же время безотчетная радость разливаетъ во всемъ тѣлѣ нѣжную теплоту...

Голосъ разсудка нерѣдко прокрадывается въ мое сердце. Я трепетно прислушиваюсь къ нему, затаивъ дыханіе.

— Нѣтъ, ты любишь,—шепчетъ сердце,— любишь, любишь...

Да, я люблю Бориса. Я люблю его такъ, какъ никто любить не можетъ. Я думаю о немъ ложась и просыпаясь. Когда я встрѣчаю гдѣ-нибудь красиваго мужчину, я тотчасъ дѣлаю сравненія — и перевѣсъ всегда на сторонѣ Бориса. Мнѣ кажется, что нѣтъ человѣка, который былъ-бы умнѣе, добрѣе и красивѣе Бориса. Впрочемъ, можетъ быть я ошибаюсь. Каждой любящей матери кажется, что

ея дѣтище единственное въ мірѣ... Такова ужь сила любви.

Меня неотступно преслѣдуетъ вопросъ:

— Можетъ-ли онъ любить меня, когда его сердце принадлежитъ Аннетѣ?..

И чтобы успокоить свое сердце и утолить таящуюся въ немъ тупую боль, я наивно утѣшаю себя мыслью:

— А можетъ быть, онъ колеблется; можетъ быть, сердце его еще никому не отдано...

И вслѣдъ за этой выростаетъ другая мысль:

— Развѣ она любитъ его серьезно?.. Развѣ она способна долго любить?.. Что, если-бы я открыла ему глаза и дала ему понять, что Аннета не разъ уже была невѣстой...

Но что я написала! Неужели я была-бы способна на это! Нѣтъ... я не знаю, что со мною дѣлается... Моя любовь къ Борису такъ велика, что я не могу допустить, чтобы она не нашла себѣ отклика въ его сердцѣ.

Я сама не знаю, почему я утѣшаю себя

мыслью о возможности расположить его къ себѣ больше, чѣмъ къ Аннетѣ.

Неужели онъ не задумывается надъ различіемъ между мною и ею? Неужели онъ не видитъ моего превосходства? О, онъ не близорукъ, чтобы ничего не замѣчать, ничего не чувствовать!

Мнѣ вспоминаются стихи:

„Умъ смотритъ тысячами глазъ,
Любовь глядитъ однимъ“...

Высокая, чистая любовь не должна быть слѣпа; наоборотъ, у нея должны быть тысячи глазъ.

— Съ какой стати эта дѣвушка проявляетъ ко мнѣ такую нѣжную преданность? — долженъ онъ часто думать.—Вѣдь иной разъ она бываетъ преданнѣе и предупредительнѣе Аннеты...

И развѣ онъ будетъ не правъ? Вѣдь меня онъ видитъ гораздо чаще, чѣмъ Аннету. Со мною онъ почему-то дружнѣе, откровеннѣе и даже непринужденнѣе, чѣмъ съ нею.

Особенно съ той поры, какъ она изъ-за чего-то поспорила съ его сестрою и рѣшительно заявила Борису, что больше бывать у нихъ въ домѣ не желаетъ.

Только я одна бываю каждый день у его сестры, въ комнату которой Борисъ, привлекаемый моимъ голосомъ или игрой, всегда заходитъ отвести душу. Иногда онъ видитъ меня по нѣсколько разъ въ день и у себя дома, и въ саду, на свиданіяхъ съ Аннетой.

Его благосклонное вниманіе, теплое пожатіе руки, улыбка, слово, произнесенное имъ нѣсколько нѣжнѣе обыкновеннаго, все это ободряетъ меня, успокаиваетъ, за все это я хватаюсь съ такою-же жадностью, съ какою утопающій, сильно жаждущій жизни, хватается за каждую соломенку...

Еще что подаетъ мнѣ слабую надежду— это то, что онъ мнѣ въ послѣднее время сталъ жаловаться, что его угнетаютъ эти короткія свиданія въ отдаленныхъ аллеяхъ сада, лишенныхъ жизни. Затѣмъ, ему не нравится сдержанная холодность, какую она иногда прояв-

ляетъ къ нему. Но больше всего его удивляетъ, что она перестала бывать у нихъ въ домѣ.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ мнѣ какъ-то разъ,—что такое, въ сущности, несерьезное обстоятельство, какъ глупая ссора между Анеттой и моей сестрою, едва-ли можетъ служить основательной причиной такой перемѣны...

Не знаю, должна-ли я быть благодарна за это судьбѣ.

— Вотъ, вотъ,—слышу я внутренній голосъ,—ты у самаго колодца жизни. Нагнись, зачерпни полную чашу и испей ее до дна...

И въ то-же время другой голосъ шепчетъ мнѣ грустно и тихо:

— Не кради чужого счастья, пока оно само тебѣ не дастся!..

Борисъ, между тѣмъ, продолжалъ, глядя на меня съ затаенной печалью.

— Дай Богъ, чтобы я ошибался, но мнѣ кажется, что Аннета меня не любитъ... Развѣ это значитъ любить?.. Что же вы молчите? Зачѣмъ вы меня не утѣшаете?..

Я слушаю его, слушаю и думаю себѣ:

— Какъ судьба иногда безжалостна къ намъ! Чтобъ я его утѣшала! Чтобъ я забывала о себѣ въ то время, когда душа полна однимъ только чувствомъ, когда сердце такъ мятется и мысль о собственномъ счастьи такъ очаровываетъ умъ!..

И я должна побороть въ себѣ собственное чувство, затаить его гдѣ-то глубоко-глубоко въ душѣ, чтобы укрѣпить въ Борисѣ вѣру въ любовь Аннеты! Я, такъ безумно любящая его! Нѣтъ, надо быть истинной монахиней, истинной аскеткой, чтобы гнать отъ себя прочь мысль о собственномъ счастьи...

Но какъ я счастлива, когда мнѣ удается разсѣять его тревожныя опасенія и вдохнуть въ его сердце новыя надежды! Какъ я радуюсь, когда онъ вновь веселъ, бодръ и счастливъ!

Недѣли три тому назадъ, не знаю, съ чего это вдругъ, мы разговорились съ нимъ о любви его къ Аннетѣ.

— Вы знаете, — замѣтилъ онъ мнѣ, — я люблю ее какою-то сверхчеловѣческою любовью...

Я подумала и шутя спросила его:

— Что-же вы сдѣлали-бы, если-бы она совсѣмъ перестала видаться съ вами и отвергла васъ?..

— Что вы, что вы?.. Я даже и думать объ этомъ боюсь.

— Все таки, что вы сдѣлали-бы?

— Что я сдѣлалъ-бы?.. Покинулъ-бы міръ, пошелъ-бы въ монастырь или уѣхалъ-бы далеко-далеко, чтобы никто не зналъ, гдѣ я...

— А дальше?

— Дальше? Какъ-бы мнѣ ни было тяжело, я старался-бы не думать о ней. Я трудился-бы дни и ночи и въ трудѣ находилъ-бы забвенье.

— А мнѣ не писали-бы о своемъ житьѣ-бытьѣ?

— Вамъ, можетъ быть, и писалъ-бы, а ей—никогда, никогда...

Я его поблагодарила за вниманіе ко мнѣ, но въ мою душу закралось нѣчто похожее на ревность, которая, все болѣе и болѣе разростаясь, какъ червь точила мое сердце.

Я почувствовала ее еще сильнѣе, когда

онъ, однажды, на мое шутливое замѣчаніе, что меня тянетъ къ нимъ въ домъ какая-то непреодолимая сила, съ улыбкой отвѣтилъ мнѣ:

— Васъ тянетъ сила привычки...

Сила привычки! Онъ не знаетъ, что потребность видѣть его до того сильна, что, ложась, я думаю о томъ, какъ-бы ночь скорѣй прошла, а днемъ, идя къ его сестрѣ, я задыхаюсь отъ волненія, овладѣвающаго мною при мысли, что между занятіями съ нею я увижу его около себя, перекинусь съ нимъ нѣсколькими словами или сыграю ему что-нибудь изъ его любимыхъ вещицъ.

Онъ всегда относился ко мнѣ любезно. Одинъ разъ мнѣ почему-то показалось, что онъ былъ ко мнѣ нѣсколько холоденъ. Мнѣ сдѣлалось очень больно и я чуть не заплакала. Я посидѣла не долго, сказалась нездоровой, встала и ушла.

Я ушла съ твердымъ намѣреніемъ никогда больше не приходить. Но на другой же день, въ обычный часъ, меня опять потянуло, словно я была заколдована...

И когда я пришла и застала Бориса въ хорошемъ, веселомъ настроеніи, и онъ подарилъ мнѣ свѣжую пунцовую розу, я не знала, что съ собою дѣлать отъ радости.

Нѣсколько дней тому назадъ я, Борисъ и его сестра сидѣли втроемъ и пили чай. Они оба были уже одѣты и ждали меня, чтобы поѣхать въ театръ. Онъ былъ такъ хорошъ, такъ милъ тогда! Я молча любовалась имъ, радуясь его близости ко мнѣ. Онъ никогда еще не былъ такъ очарователенъ.

Когда онъ нагнулся къ самовару и его мягкіе волосы коснулись моего лица, какая-то дымка вдругъ затемнила мнѣ глаза и я готова была схватить его руку, поцѣловать ее и открыть ему, наконецъ, мою тайну... Но я опомнилась и, чтобы скрыть свое волненіе, подошла къ окну, подъ предлогомъ освѣжиться отъ жары...

Тогда-же, въ благодарность за переданный мною поклонъ отъ Аннеты, онъ надушилъ меня Корилопсисомъ. Вмѣстѣ съ запахомъ этихъ

духовъ я почувствовала что-то нѣжное, ласкающее, неизъяснимо-пріятное...

Не было-ли это—дыханіе, частица души Бориса?...

Боже, какъ я люблю его!

Въ послѣднее время спокойствіе духа стало мнѣ измѣнять. Когда при встрѣчѣ съ Аннетой Борисъ цѣлуетъ ее въ моемъ присутствіи, я уже не въ состояніи быть равнодушной и мнѣ становится не по себѣ. Я достаю изъ кармана записную книжку, дѣлаю видъ, что читаю, а на самомъ дѣлѣ я не могу прочесть ни одного слова. Лицо мое горитъ лихорадочнымъ огнемъ, въ ушахъ моихъ эхомъ повторяются ихъ поцѣлуи, и я потомъ чувствую горькій осадокъ на днѣ души...

Я знаю, что, будучи подругой Аннеты, я не вправѣ любить Бориса. Да, я это знаю и чувствую, но, Господи, развѣ можно сказать сердцу:

— Не люби!

Развѣ можно приказать солнцу—не сіять?..

Боже мой, до какихъ поръ я буду скрывать мою тайну? До какихъ поръ я буду мучиться?.. Нѣтъ, я больше не могу. Это свыше моихъ силъ!..

Марія.

ДРУГЪ.

Дорогой Василій Евгеньевичъ!

Вы не были у насъ уже нѣсколько недѣль, и мнѣ кажется, что я не видѣла васъ цѣлую вѣчность. Дни мои проходятъ однообразно и скучно. Я хожу съ мамой въ оперу, къ лиллипутамъ, въ циркъ, на художественныя выставки, но, къ сожалѣнію, нигдѣ не могу васъ встрѣтить. Гдѣ-же вы коротаете вечера, мой другъ?

Неужели въ клубѣ, за карточнымъ столомъ, въ обществѣ людей, которыхъ вы презираете? Я говорю вамъ это не съ цѣлью

оскорбить вашихъ товарищей. Вы сами жаловались мнѣ на ихъ ничтожество.

Или, быть можетъ, по окончаніи занятій въ редакціи, вы удираете къ своей тетушкѣ? Тогда я васъ ужь совсѣмъ, совсѣмъ не понимаю.

Непонятно мнѣ вотъ что. Во-первыхъ, какая-такая сила тянетъ васъ встрѣчаться съ завѣдомо несимпатичными людьми — и гдѣ? — за карточнымъ столомъ! Ничего лучшаго не могли придумать?

Во-вторыхъ, къ чему лукавить? Скажите по совѣсти, что общаго между вами и вашей тетей? Признайтесь, вѣдь вы, въ душѣ, не любите ея. Ну, въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли нравиться такому человѣку, какъ вы, женщина, вышедшая изъ простого круга, неразвитая, лишенная всякой оригинальности и при томъ неискренняя и злая?.. Можете-ли вы что-нибудь почерпнуть у нея? Такъ что-же за удовольствіе, скажите, пожалуйста, вѣчно сидѣть около человѣка ординарнаго, безцвѣтнаго и ограниченнаго, — около человѣка, съ которымъ ни о чемъ

больше говорить нельзя, кромѣ пошлой сферы хозяйственныхъ интересовъ?..

Вы скажете: она богата, гостепріимна и прочее.

Ага, вотъ что! Вы дарите ей часы своего досуга и благосклонно принимаете недоброжелательство, которымъ она такъ полна ко мнѣ, Богъ вѣсть изъ-за какихъ мотивовъ, взамѣнъ... взамѣнъ оказываемой ею вамъ поддержки...

Что-жъ, съ вашей стороны это, конечно, большая жертва. Чтобы мириться съ такою плачевною жизнью, развѣ писателемъ надо быть? Нѣтъ, мой другъ!..

Господь надѣлилъ васъ крупнымъ талантомъ не для того, чтобы зарывать его въ землю... Будучи человѣкомъ «не отъ міра сего», нельзя въ одно и то-же время быть и жнецомъ, и швецомъ, и въ дуду игрецомъ...

Припомните завѣтъ Пушкина:

Прекрасное должно быть величаво,—
Служенье музъ не терпитъ суеты...

Боже мой, въ какихъ сферахъ вы вращаетесь, съ кѣмъ душу отводите, кому руку пожимаете!.. Мнѣ стыдно за васъ.

Вы, какъ даровитый писатель, должны, подобно пчелѣ, постоянно порхать среди залитыхъ солнцемъ цвѣтовъ и переносить ихъ ароматъ въ свои произведенія. Если же вы попривыкнете къ клубной атмосферѣ, облюбуете душный кругъ тетенькина очага и перестанете интересоваться окружающею жизнью, изъ васъ, мой другъ, никакого толка не выйдетъ...

Не думайте, пожалуйста, что я говорю вамъ все это для того, чтобы, между прочимъ, кольнуть вашу тетушку. Мнѣ кажется, что я имѣю право питать къ ней антипатію. Причина вашего охлажденія ко мнѣ уже не составляетъ больше для меня тайны. Да, да, ваша тетушка умѣетъ сплетничать и злословить. Но вы меня знаете немного больше, чѣмъ она.

Вы также знаете, что я не злопамятная... Впрочемъ, зачѣмъ я все это говорю.

Меньше всего я склонна сказать вамъ что-нибудь непріятное. А если невзначай сказала, — простите. Кого любишь, того и жалѣешь. Мнѣ искренно жаль, что вы въ послѣднее время разлѣнились, не работаете и не печатаетесь. Я такъ ужь привыкла встрѣчать всегда въ печати ваше имя, что не могу мириться съ такимъ пробѣломъ.

Отчего вы ничего не дѣлаете? Берете примѣръ съ меня? Но вы забываете, что мнѣ доктора запретили писать и я до нѣкотораго времени должна подчиниться этому запрету помимо моей воли.

Или, можетъ быть, вы утомились и чув-

ствуете недостатокъ въ темахъ и краскахъ для своихъ произведеній? Бросьте только карты, забудьте о существованіи «родника сплетенъ», не бѣгите отъ людей и выйдите на свѣтъ Божій — вы найдете тысячи сюжетовъ. Ваша испытанная наблюдательность поможетъ вамъ находить ихъ на каждомъ шагу.

Другъ мой, я боюсь за васъ. Я знаю, что вмѣстѣ со мною вашему молчанію удивляются и въ литературныхъ кружкахъ. Я ужь не говорю о читающей публикѣ. Она неблагодарна. Она легко можетъ забыть васъ, какъ-бы вы ей ни нравились. Вы должны это помнить, мой милый.

Если вы дѣйствительно устали и васъ покинуло вдохновеніе, вы должны перемѣнить квартиру, создать себѣ новую обстановку, уѣхать куда-нибудь на нѣкоторое время, потолкаться среди новыхъ людей,—словомъ, чтобы набраться новыхъ впечатлѣній, вамъ необходимо провѣтриться, освѣжиться... А то, пожалуй, зачахнете и ужь на всю жизнь останетесь редакціоннымъ трутнемъ...

Нѣтъ, не дай Богъ! Вы молоды и ваше перо еще даже и не начинало притупляться.

Хотите, я вамъ дамъ дружескій совѣтъ. Начните сейчасъ-же укладываться и поѣзжайте въ имѣніе къ папѣ. Во-первыхъ, онъ будетъ чрезвычайно радъ васъ видѣть, а во-вторыхъ, гдѣ-же вы найдете еще одинъ такой райскій уголокъ, какъ наши «Липовки». Я и мама скоро тоже пріѣдемъ туда.

Мою комнату, помните, съ великолѣпнымъ видомъ на рѣку, я предоставляю въ полное ваше владѣніе. Она теперь, къ тому-же, совершенно обновлена. Вы ея не узнаете. Въ ней должно быть теперь, какъ въ гнѣздышкѣ.

Кромѣ того, къ вашимъ услугамъ высланныя мною туда на прошлой недѣлѣ піанино, скрипка и масса новыхъ книгъ.

Was vilst du noch mehr, mein liebchen?..

Заранѣе увѣренная въ вашемъ послушаніи, я немедленно пишу папѣ, чтобы онъ устроилъ вамъ самую торжественную встрѣчу.

Ну, сбросьте-же съ себя, другъ мой, иго безсмысленной жизни и... вспомните

Любящую васъ Наталію.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Наканунѣ	3
Необыкновенный человѣкъ	11
Загубленная жизнь	18
Другого исхода нѣтъ	23
Разочарованная	30
Модистка	36
Рекогносцировка	41
Разрывъ	47
Любящая душа	52
Исповѣдь	58
Тайна Маріи	61
Другъ	79

Того-же автора:

Юмористическіе стихи. Одесса, 1893 г., 128 стр., цѣна 40 коп.

Мечты, лирическія стихотворенія. Одесса, 1895 г., 156 стр., ц. 75 к. Изданіе Е. П. Распопова.

Незабудки, лирическія стихотворенія. Одесса, 1895 г., ц. 10 к. Изд. С. А. Абрамсона.

Цѣна 30 коп.

К 2

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія у Г. В. СВИСТУНОВА

BERKELEY LIBRARIES
44333311